

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 192–202

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 192–202

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-192-202>, EDN: DZXYUD

Научная статья

УДК [94+351.742](470.44)|18/19|

Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Аннотация. Введение. Избранная тема исследования обладает непреходящей актуальностью, так как место, роль и важность органов политической полиции всегда имеют первостепенное значение в целях обеспечения безопасности государства и его властных структур. **Теоретический анализ.** На протяжении второй половины XIX и начала XX в. органы жандармерии претерпели поэтапное реформирование и серьезную внутриведомственную и межрегиональную реорганизацию. В итоге к началу прошлого столетия в Российской империи действовали две основные, взаимосвязанные и взаимодействующие структуры политической полиции – Отдельный корпус жандармов (с сетью губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог) и Охранные (розыскные) отделения (пункты). **Эмпирический анализ.** Выявлено, что действовавшие в начале XX в. на территории Саратовской губернии органы политической полиции (Саратовское губернское жандармское управление, Тамбово-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог, Саратовское охранное отделение и Поволжское районное охранное отделение), подвергавшиеся организационным и структурным изменениям в соответствии с директивными актами властей, целенаправленно выполняли свои функции по розыску, негласному надзору и слежке за неблагонадежными элементами, дознанию и политическому следствию, а также исполнению судебных приговоров по политическим делам. **Результаты.** Процесс реорганизации и реструктуризации органов политической полиции на местном уровне, в частности на примере Саратовской губернии, свидетельствует о противоречивости и неоднозначном характере проводившихся преобразований. Изученный эмпирический материал показывает, что властям позднеимперской России не удалось в необходимой степени создать эффективную систему политического сыска, которая должна была противостоять бурно развивавшемуся революционному движению в начале XX в.

Ключевые слова: политическая полиция, жандармерия, охранка, реорганизация, проблемы взаимодействия, Саратовская губерния

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Органы политической полиции Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века: институциональные изменения, направления работы и специфика межгубернского взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 192–202. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-192-202>, EDN: DZXYUD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The bodies of the political police of the Saratov province in the late 19th – early 20th centuries:
Institutional changes, areas of work and specifics of inter-provincial cooperation**

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Abstract. Introduction. The relevance of the chosen research topic is of lasting importance, since the place, role and importance of the political police is always of paramount importance in order to ensure the security of the state and its power structures. **Theoretical analysis.** During the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries, the gendarmerie bodies underwent gradual reform and serious intradepartmental and interregional reorganization. As a result, by the beginning of the last century, two main, interconnected and interacting structures of the political police operated in the Russian Empire – a separate corps of gendarmes (with a network of provincial gendarmerie departments and gendarmerie police departments of railways) and Security (search) departments (points). **Empirical analysis.** It was revealed that the political police bodies operating in the early twentieth century on the territory of the Saratov province (Saratov Provincial Gendarmerie Department,

Tambov-Ural Gendarmerie Police Department of Railways, Saratov Security Department and Volga Region Security Department), which underwent organizational and structural changes in accordance with the directive acts of the authorities, purposefully performed their functions of search, covert supervision and surveillance of unreliable elements, inquiry and political investigation, as well as the execution of court sentences in political cases. **Results.** The process of reorganization and restructuring of political police bodies at the local level, in particular, in the Saratov province, testifies to the contradictory and ambiguous nature of the ongoing transformations. The empirical material studied shows that the authorities of late imperial Russia failed, to the necessary extent, to create an effective system of political investigation, which was supposed to resist the rapidly developing revolutionary movement at the beginning of the 20th century.

Keywords: political police, gendarmerie, okhranka, reorganization, problems of interaction, Saratov province

For citation: Varfolomeev Yu. V. The bodies of the political police of the Saratov province in the late 19th – early 20th centuries: Institutional changes, areas of work and specifics of inter-provincial cooperation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 192–202 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-192-202>, EDN: DZXYUD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Важное место в системе органов исполнительной власти и правоохранительных структур Российской империи занимали различные ведомства обеспечения государственной безопасности страны, в частности органы политической полиции (жандармерии). Этот аспект постоянно привлекает к себе внимание и политиков, и ученых, и широкие круги общества, а его неизменная актуальность не подвержена смене политических эпох и идеологической конъюнктуре. Между тем, несмотря на многочисленные работы по этой теме, «главный пробел, – по мнению ведущего исследователя этой проблематики З. И. Перегудовой, – состоит во все еще недостаточной изученности учреждений политического сыска, их организации, структуры, функций, практической деятельности и общественно-политической роли» [1, с. 3]. Именно поэтому различные вопросы реформирования и изучения особенностей деятельности органов политической полиции, в том числе и на региональном уровне, требуют дальнейших научных разработок.

Историография проблематики изучения органов политической полиции Российской империи весьма обширна и представлена работами, охватывающими более чем столетний период времени. Между тем на фоне работ, исследующих различные аспекты деятельности органов жандармерии России конца XIX – начала XX в., в первую очередь следует отметить фундаментальный труд по этой теме З. И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)» [1]. Что же касается работ, посвященных непосредственно теме заявленного исследования, то их круг заметно ограничен. Здесь, прежде всего, следует выделить обобщающие научные труды Е. Е. Гладышевой [2] и Е. А. Гончаровой [3]. В диссертациях и опубликованных работах этих авторов дается характеристика важнейших орга-

низационно-структурных элементов и кадрового обеспечения политической полиции провинции на примере Саратовской губернии, анализируются изменения системы политического сыска на региональном уровне, а также рассматриваются механизмы функционирования местных органов политической полиции в начале XX в. на территории Среднего Поволжья.

Хронологические рамки данного исследования охватывают позднеимперский период Российского государства, что обусловлено заметным оживлением и эскалацией революционного движения в стране в эти годы, а также радикализацией и расширением арсенала методов противоправной деятельности антиправительственных организаций. Эти обстоятельства диктовали насущную потребность в реорганизации и повышении эффективности работы существовавших на тот момент органов политической полиции империи.

Теоретический анализ

Начиная со времени реализации Великих реформ Александра II обостряющаяся внутривластная обстановка в стране все настойчивее и определеннее сигнализировала о недостаточности и малоэффективности мер противодействия разраставшемуся революционному и оппозиционному движению. Очевидной становилась потребность реформирования существовавшей на тот момент системы местных жандармских учреждений, объединенных в крупные жандармские округа. Преобразованию ведущего ведомства политической полиции России положило начало «Положение о Корпусе жандармов», утвержденное 9 сентября 1867 г. [4]. На основании этого документа сеть жандармских учреждений по всей стране значительно увеличивалась, а ключевым звеном в этой системе становилось губернское жандарм-

ское управление. Одним из первых в России учреждений политического сыска нового типа стало созданное в 1867 г. Саратовское губернское жандармское управление (далее – СГЖУ), пришедшее на смену Управлению Саратовского губернского жандармского штаб-офицера 7 (Казанского) округа корпуса жандармов, которое, в свою очередь, действовало на территории края еще с 1838 г. К началу XX столетия на территории губернии действовали следующие органы политического надзора, сыска и дознания: Саратовское губернское жандармское управление и четыре подчиненные ему уездные учреждения жандармерии – подразделения политической полиции, возглавляемые помощниками начальника СГЖУ, а также Тамбово-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог.

Таким образом, самым первым по времени и ключевым звеном в системе губернских органов политической полиции являлось Саратовское губернское жандармское управление, которое за несколько десятилетий XIX в. прошло важные этапы своего становления, а также определенной организационно-правовой и профессионально-деловой эволюции. Основная задача российской жандармерии заключалась в противодействии революционному движению и распространению политического инакомыслия. В соответствии с этим деятельность СГЖУ была направлена на борьбу с революционными выступлениями и массовыми волнениями, на выявление и пресечение деятельности революционных групп и партийных ячеек на территории губернии, помощь органам общей полиции в охране общественного порядка, а также негласный надзор и слежку за неблагонадежными элементами и наконец на розыск и задержание государственных преступников. Функционально эта работа выражалась в производстве обысков, проведении дознания, следствия, а затем и исполнения судебных приговоров по политическим делам, сопровождении к местам заключения осужденных государственных преступников. Проведение этих действий СГЖУ обеспечивалось также комплексом агентурной работы и контрразведывательных мер.

В 1871 г. Александр II утвердил закон, получивший название «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений», в соответствии с которым были конкретизированы и расширены права сотрудников политической полиции по произ-

водству дознаний по делам о государственных преступлениях [5]. Арсенал методов и средств жандармерии при производстве дознания с этого момента включал следующие уголовно-процессуальные действия: розыск, расспросы, негласное наблюдение, осмотры, освидетельствования, обыски и выемки. Таким образом, с 1871 г. главными в деятельности СГЖУ становятся дознание, а также политическое следствие, переданное в ведение жандармерии от судебных следователей. В 1880 г. Третье отделение было упразднено, а жандармские управления со всеми его органами и агентурой перешли во вновь учрежденный Департамент полиции.

Эмпирический анализ

По состоянию на 1 января 1868 г. в структуру Саратовского губернского жандармского управления входили: команда наблюдательного состава (находившаяся в Саратове), Саратовская конная жандармская команда (упразднена в ноябре 1876 г.) [6, л. 249 об.] и жандармские пункты в Вольске, Хвалынске и Царицыне, являвшиеся межурездными подразделениями СГЖУ. Формально они назывались по должности руководителя этой структуры: «Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления» соответствующих уездов, например, помощник начальника СГЖУ в Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах. Формирование внутригубернских органов жандармерии территориально осуществлялось по кустовому принципу – путем объединения нескольких соседних уездов в один административный район ответственности СГЖУ. Деятельность помощников начальника СГЖУ и подведомственных им команд заключалась в противодействии революционному движению, донесении о политических настроениях населения, производстве дознаний по делам о государственных преступлениях, к которым по действовавшему законодательству относились антиправительственная пропаганда, словесное оскорбление царских особ, хранение нелегальной литературы и пр.

На протяжении всего времени деятельности СГЖУ оно не раз подвергалось структурным изменениям с целью оптимизации и совершенствования его работы. Так, в соответствии с приказом Саратовского губернского жандармского управления № 16 от 4 мая 1874 г. обязанности чинов дополнительного штата

жандармерии, находящихся в Хвалынском уезде, были распространены на Кузнецкий уезд, а чинов, находящихся в Царицынском уезде, – на Камышинский уезд [6, л. 161]. На следующий год на основании приказа Отдельного корпуса жандармов № 39 от 20 мая 1875 г. чины дополнительного штата Самарского губернского жандармского управления, находящиеся в Новоузенском уезде, были прикомандированы к СГЖУ с подчинением их «в отношении надзора в уезде, равно в отчетности и довольствию» в распоряжение начальника СГЖУ и переводом квартиры офицерского пункта из Покровской слободы в Саратов [6, л. 193 об.]. В соответствии с приказом по Отдельному корпусу жандармов № 53 от 12 июля 1883 г. в Саратовском уезде был учрежден новый жандармский пункт в составе одного офицера и четырех унтер-офицеров. Помощник начальника СГЖУ в Саратовском уезде и два унтер-офицера находились в Саратове и два унтер-офицера – в с. Вязовка Саратовского уезда [7, л. 43]. Согласно приказу Саратовского губернского жандармского управления № 109 от 15 июля 1903 г. помощнику начальника СГЖУ в Саратовском уезде вменялось в обязанность наблюдение за Аткарским уездом, а помощнику начальника СГЖУ в Балашовском уезде взамен Аткарского уезда был вверен надзор за Камышинским уездом [8, л. 55].

В своей деятельности жандармские чины руководствовались директивными распоряжениями Особого корпуса жандармов и начальника Саратовского ГЖУ. «Положение по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», изданное 14 августа 1881 г. [9], с разной степенью эффективности применялось в противодействии революционному и оппозиционному движению вплоть до 1917 г. Совершенствование законодательства в части повышения его эффективности и снятия формальных ограничений в следственной работе жандармов высоко оценил один из руководителей политической полиции генерал А. И. Спиридович. Оценивая дополнительные возможности, которые предоставлял этот законодательный акт в сфере политического дознания, он подчеркивал одну из его важных особенностей: «Кого нельзя было сразу привлечь формально к дознанию, тот привлекался к расследованию на основании положения от 14 августа 1881 г. и по мере возможности переводился на дознание...» [10, с. 83]. Учитывая действенность и стабильность этого законодательного акта, даже лидер большевиков

В. И. Ленин вынужден был признать его «одним из самых устойчивых, основных законов Российской империи» [11, с. 176].

С появлением, а затем и существенным расширением сети железных дорог на территории Саратовской губернии связано создание и деятельность жандармского полицейского управления железных дорог, функциями которого, в частности, были следующие: «...обнаружение и исследование государственных преступлений, охранение внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железной дороги» [12, л. 4]. С 24 декабря 1884 г. в территориальных границах Тамбово-Саратовской железной дороги осуществляли свою деятельность Саратовское и Тамбовское отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог. Приказом по военному ведомству № 294 от 1 ноября 1892 г. и приказом по Отдельному Корпусу жандармов № 113 от 12 ноября 1892 г. было учреждено Рязано-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог с центром в Саратове [13, л. 92].

Деятельность Рязано-Уральского жандармского полицейского управления железных дорог была тесно связана с Саратовским губернским жандармским управлением, так как объектами деятельности и того, и другого были не только политические партии, различные общественные и культурно-просветительские организации, но и промышленные предприятия и железнодорожные мастерские, находившиеся на территории губернии. По всем вопросам, входившим в компетенцию и круг обязанностей жандармерии, между этими ведомствами велась оживленная и обширная переписка, а также проводились совместные оперативно-розыскные мероприятия по выявлению и задержанию политически неблагонадежных лиц. Кроме этого, сотрудники губернского управления регулярно устанавливали степень благонадежности служащих Рязано-Уральской железной дороги, а также вели дознания по делам о революционных выступлениях железнодорожников, как, например, в 1905 г. Наряду с этим в деятельности жандармского полицейского управления железных дорог были и специфические направления работы, связанные непосредственно с железнодорожным движением: охрана перевозимых грузов, санитарно-эпидемиологический надзор в зоне ответственности управления, а также проведение дознаний о причинах аварий на железной дороге.

В 1897 г. Рязано-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог было реорганизовано. В приказе № 164 от 14 ноября 1897 г. по Тамбово-Уральскому жандармскому полицейскому управлению железных дорог с ссылкой на приказ по Военному ведомству № 295 от 28 октября 1897 г. было объявлено не только о переименовании Рязано-Уральского жандармского полицейского управления железных дорог в Тамбово-Уральское, но и были внесены изменения в территориальные границы района ведения преобразованного управления [13, л. 93]. В Саратове с этого времени также находилась штаб-квартира начальника Сызранского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог, в ведении которого находились станции Сызранско-Вяземской железной дороги, расположенные в пределах Кузнецкого уезда Саратовской губернии, что было вполне логично и, несомненно, упорядочивало взаимодействие СГЖУ и Тамбово-Уральского жандармского полицейского управления железных дорог [13, л. 95].

Новый этап в развитии органов политической полиции позднеимперской России наступил с началом XX столетия. В августе 1902 г. в восьми крупных губернских городах, в том числе и Саратове, были созданы розыскные отделения или, как их тогда называли, «пункты». «Главным звеном политического сыска России с начала XX в., – приходит к выводу З. И. Перегудова, – становятся охранные отделения и специальные розыскные пункты» [1, с. 116]. Начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев высоко оценивал предназначение и деятельность подобных учреждений: «Задачи Охранного отделения были очень широки: активная борьба с революционным движением, информация о настроениях разных слоев населения, наблюдение за рабочим движением, статистика ежедневных происшествий, регистрация населения, охрана высочайших особ и высокопоставленных лиц. Кроме того, на Охранное отделение возлагались особые секретные задачи, не имеющие прямого отношения к перечисленным обязанностям, в зависимости от требования Департамента полиции, министра внутренних дел, лица императорской фамилии, а иногда и военных властей» [14, с. 60].

Наиболее верно и мотивированно обосновал создание розыскных отделений в структуре органов политического сыска тогдашний дирек-

тор Департамента полиции МВД А. А. Лопухин. В циркулярном письме начальникам губернских жандармских управлений от 13 августа 1902 г., определявшем их создание и регламентировавшем их деятельность, он отметил бурный рост различных антиправительственных ячеек и кружков, в основном социал-демократического толка, которые целенаправленно и методично распространяли свои идеи среди рабочих и учащейся, как правило студенческой, молодежи. Наряду с этим он указал на новую опасную тенденцию по дестабилизации обстановки в сельской местности и обратил внимание руководителей жандармерии в регионах на «возникновение революционных организаций, задавшихся целью перенести преступную пропаганду в среду сельского населения для подстрекательства крестьян к устройству аграрных беспорядков» [15, л. 7].

Подобный вывод, безусловно, был основан на статистике с мест, свидетельствовавшей о революционаризации российской деревни, которая проводилась в основном эмиссарами партии социалистов-революционеров. Ю. В. Варфоломеев и Л. Н. Шумилова, изучив на многочисленных примерах характер и особенности революционной пропаганды радикальных партий в Поволжье в начале XX в., выявили «общественно опасный характер антиправительственной агитации и пропаганды эсеров и социал-демократов, разрушавшей традиционные ценности духовной культуры и морали в крестьянской среде, а также результативность распространяемой противоправительственной литературы и подстрекательских призывов залетных революционных “ораторов”» [16, с. 169]. Таким образом, создание охранных отделений стало насущным и необходимым шагом правоохранительных органов Российской империи в ответ на активизацию революционного движения в стране. Обращает на себя внимание тот факт, что розыскные отделения (пункты) учреждались в первую очередь в регионах, больше всего пораженных революционной крамолой и наиболее подверженных распространению антиправительственной пропаганды, поэтому, думается, что Саратов, как место дислокации штаб-квартиры охранного отделения, оказался в числе первых подобных учреждений вполне закономерно.

В связи с тем, что железнодорожные магистрали и станции широко использовались революционерами в своих коммуникациях и распространении запрещенных изданий, а же-

лезнодорожные депо и мастерские, как правило, становились базовыми центрами их деятельности в регионе, особенно если там была слабо развита промышленность, то этот сектор повышенной политической рискогенности, несомненно, оказался в объективе контроля розыскных отделений. Именно поэтому в соответствии с циркуляром 8 отделения Отдельного корпуса жандармов от 17 июля 1903 г. № 308 Тамбово-Уральскому жандармскому полицейскому управлению железных дорог предписывалось оказывать всемерное содействие начальнику Саратовского охранного отделения.

Однако с учреждением и становлением новой структуры политической полиции возникали и определенные проблемы. Во-первых, идейный вдохновитель и энергичный создатель первых розыскных пунктов начальник Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатов через год после формирования сети охранных отделений был отправлен в отставку. С этого момента, лишившись «архитектора» новационной системы политического сыска, сеть охранных отделений начинает развиваться без стратегии и специального плана, подвергаясь постоянным изменениям, которые не всегда адекватно отвечали на быстро деградирующую политическую стабильность в стране.

Во-вторых, негативно сказалось даже такое, на первый взгляд малозначительное, обстоятельство, как переименование некоторых розыскных отделений в охранные отделения, хотя это и не было связано с изменением их функций. З. И. Перегудова, проанализировав переписку руководителей жандармских отделений того периода, обнаружила, что их это переименование «шокирует и создает для них, как и для самих учреждений, некоторые неудобства» [1, с. 119].

В-третьих, внутриведомственный характер учреждения охранных отделений, регламентированный циркулярными распоряжениями, а не законодательными актами, приводил к тому, что они не имели стабильной правовой основы и подвергались реорганизации и даже ликвидации по усмотрению руководства Департамента полиции в зависимости от оценки криминально-революционной деградации политической ситуации в том или ином регионе России.

В-четвертых, по мнению З. И. Перегудовой, «по мере роста числа охранных отделений возникают и усиливаются соперничество, разногласия и даже вражда между губернскими

жандармскими управлениями и охранными отделениями» [1, с. 120], и это несмотря на то, что руководство Департамента полиции директивно нацеливало местные жандармские органы к взаимодействию и взаимопомощи в их деятельности. Очевидно, что «конфликтные ситуации возникали из-за того, что хотя функции ГЖУ и охранных отделений были разделены, в действительности розыскная деятельность (за которую отвечали охранные отделения) и деятельность наблюдательная, а также проведение дознаний (которыми занимались ГЖУ) тесно переплетались, – поясняет Перегудова. – На практике отделить одно от другого порой было невозможно» [1, с. 120]. Противоречия между ведомствами на местном уровне усугублялись также и нестыковками в субординации их начальников. Возникали ситуации, когда начальник Губернского жандармского управления в звании полковника или генерал-майора должен был по службе подчиняться начальнику охранного отделения, звание которого, как правило, было на ступень ниже.

Начальник Саратовского охранного отделения А. П. Мартынов, основываясь на личном опыте взаимодействия руководителей двух подразделений политической полиции на местном уровне, пришел также к неутешительному выводу: «Вместо ожидаемых правительством объединённых усилий местных розыскных сил к искоренению революционной активности провинциального подполья получалось нечто совершенно обратное. Силясь отыскать одни только ошибки местного охранного отделения, не доверяя данным, представляемым охранным отделением относительно общей картины революционной активности, расценивая по-своему самые явные и бесспорные доказательства этой активности, начальники губернских жандармских управлений (так, по крайней мере, неоднократно было в Саратове) “не находили оснований” к принятию мер в отношении задержанных за революционную активность мелких местных, а иногда и крупных революционных деятелей» [17, с. 250].

Начальник саратовской охранки в своих воспоминаниях указал на несколько случаев нездоровой конкуренции и даже ревностного противодействия со стороны начальника Саратовского ГЖУ полковника Д. С. Померанцева. Менталитет и сложившийся стереотип служебного поведения сотрудников Отдельного корпуса жандармов настолько контрастировал

с образом действий и поведением жандармов-розыскников, что очень часто приводил их к конфронтации с коллегами из охранных отделений. «Рудименты “нерассуждающей” воинской дисциплины мешали той живой и инициативной работе, которая требовалась от политической полиции», – отмечает А. М. Лавренова. Она называет подобный служебно-личностный диссонанс «кризисом идентичности в жандармской среде» и делает вывод: «Так, до определенной степени искусственно, жандармская корпоративная среда оказалась расколотой и, во многом, неспособной к консолидации даже во имя защиты государственных интересов» [18, с. 113]. Жандармский полковник А. П. Мартынов, как это не больно было ему осознавать, пришел к обоснованному выводу о том, что частая несогласованность действий и отсутствие четкого механизма взаимодействия между жандармскими управлениями и охранными отделениями, а также несовершенство в целом всей системы жандармского аппарата привели к малой эффективности политической полиции в борьбе с революционным движением в период его наивысшего подъема [17, с. 251].

В течение 12 лет своей работы, с 1902 по 1914 г., Саратовское охранное отделение осуществляло свою деятельность в соответствии с теми функциями, которые были на него возложены правовыми актами начиная с момента их создания – с 1902 г.: «Положением о начальниках розыскных отделений» [15, л. 906], «Сводом правил для начальников охранных отделений», «Временным положением об охранных отделениях» 1904 г. [15, л. 1206] и, наконец, утвержденным премьер-министром П. А. Столыпиным в феврале 1907 г. «Положением об охранных отделениях» [19, л. 1–12]. Наряду с другими, одним из важнейших направлений работы охранных отделений являлось производство дознания по выявленным жандармами политическим преступлениям. Эти дела наглядно иллюстрируют виды и количество государственных преступлений, раскрытых Саратовским охранным отделением в зоне своей территориальной и функциональной ответственности.

Изучение дел саратовской охранки, по которым производились дознания, позволяет классифицировать их по нескольким основным группам. Всего можно выделить семь наиболее распространенных направлений расследования: 1) дела о пересылке и распространении революционных воззваний и нелегальной ли-

тературы; 2) дела о революционной и террористической деятельности; 3) дела об устройстве в Саратове тайных вечеров и спектаклей; 4) дела о подготовке и проведении массовых забастовок и уличных демонстраций; 5) дела о деятельности в Саратовской губернии революционных организаций и кружков; 6) дела о состоящих под надзором полиции неблагонадежных лицах; 7) дела о революционной пропаганде и агитации.

Статистический анализ этих групп государственных преступлений указывает на то, что подавляющее большинство дознаний производилось по делам о деятельности революционных организаций и кружков, а также по делам о состоящих под надзором полиции неблагонадежных лицах. Наряду с этим в деятельности политического сыска значительное место занимало расследование дел, связанных с революционной пропагандой. Эти данные свидетельствуют, во-первых, о преобладающих направлениях противоправной деятельности революционеров, а во-вторых, об эффективности работы саратовского охранного отделения, выявлявшего серьезное количество преступлений и цепко отслеживавшего попавших в поле зрения политического сыска оппозиционеров.

В целом, можно констатировать, что, несмотря на объективные трудности и проблемы в становлении и развитии розыскных подразделений политической полиции России, их «конкурентную» с Отдельным корпусом жандармов, они все-таки сыграли существенную роль в противодействии «девятому валу» революционного натиска, захлестнувшего страну в начале прошлого столетия, в том числе и на территории Саратовской губернии.

Вместе с тем в начале XX в. продолжалось совершенствование и усиление органов политической полиции страны. Решением Государственного Совета от 5 мая 1903 г. в 46 губерниях России, в том числе и в Саратовской, была учреждена полицейская стража. Заведование в губернии строевой частью полицейской стражи, ее обучением, подготовкой конных чинов стражи верховой езде, вооружением и конским снаряжением возлагалось на начальника ГЖУ, которому присваивалось звание губернского инспектора полицейской стражи. Непосредственное руководство полицейской стражей в строевом отношении возлагалось на помощников начальника губернского жандармского управления, которым присваивалось звание

помощников губернского инспектора полицейской стражи. Команды полицейской стражи были размещены во всех уездах губернии. По состоянию на 29 апреля 1906 г. Саратовская полицейская стража состояла из 37 отрядов, общая численность стражников составляла 1083 чел. (примерно по 30 чел. в каждом отряде) [20, л. 27–54].

Появление полицейской стражи, так же как и охранных отделений, явилось весьма востребованной и актуальной мерой правительства. Полицейская (по сути – жандармская) стража стала фактически силовой составляющей политической полиции Российской империи. Частота и масштабность антиправительственных и антипомещичьих выступлений в стране выдвигали перед властями задачу создания дополнительных военизированных формирований по пресечению и подавлению массовых беспорядков. Насколько это оказалось важным и своевременным, показали дальнейшие события, особенно крупнейшие крестьянские беспорядки на территории Саратовской губернии периода так называемой Первой русской революции и рабочие выступления (забастовки, митинги и демонстрации).

В 1903 г. Помощнику начальника СГЖУ в Саратовском уезде был вверен надзор за Аткарским уездом. По состоянию на 1903 г. Помощнику начальника СГЖУ в Саратовском и Аткарском уездах подчинялось 7 нижних чинов (1 вахмистр и 6 унтер-офицеров). Волости Саратовского и Аткарского уездов были распределены между четырьмя жандармскими пунктами, расположенными в с. Баланда Аткарского уезда, в Аткарске, в с. Базарный Карабулак и в Николаевском городке Саратовского уезда. Каждый такой пункт осуществлял надзор за несколькими волостями, число которых варьировалось, как правило, от 13 до 15. О всех происшествиях, связанных с антиправительственными выступлениями или проявлением революционных настроений, унтер-офицеры дополнительного штата СГЖУ немедленно докладывали Помощнику начальника Саратовского губернского жандармского управления.

В период Первой русской революции министерством внутренних дел была предпринята еще одна попытка реорганизации органов политического сыска с целью противодействия небывалому размаху антиправительственных выступлений в Российской империи. Борьба с революционным движением потребовала де-

централизации органов политической полиции, предоставления им определенной самостоятельности в своем регионе с учетом специфики революционных проявлений, а также большей оперативности в реагировании на выявленные факты политических преступлений, что привело к созданию своеобразных «охранных округов». При этом в период с 1905 по 1914 г. сохранялись все основные звенья местной администрации, общей полиции, жандармерии и охраны. Таким образом, в конце 1906 г. в стране было создано 10 районных охранных отделений, территория деятельности (зона ответственности) каждого из которых охватывала несколько губерний. В подчинении районных охранных отделений находились охранные отделения и губернские жандармские управления каждого округа.

В русле этих нововведений в конце 1907 г. было сформировано Поволжское районное охранное отделение, куда вошла и Саратовская охранка. К Поволжскому охранному округу относились следующие губернии: Астраханская, Казанская, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Самарская, Саратовская и Симбирская. Первоначально центром этого охранного округа была определена Самара. Выбор этого поволжского города в качестве центра округа Е. А. Гончарова объясняет тем, что именно в Самаре «в 1906 г. развернулся эсеровский террор против административной и полицейской власти в губернии» [3, с. 11]. Однако политическая ситуация в стране в целом и в поволжских городах в частности была крайне опасной и тревожной, а эсеровские боевики терроризировали в эти годы и столицы, и практически все губернские города. Более убедительным выглядит объяснение этого факта непосредственным свидетелем и участником этих организационно-структурных изменений – начальником Саратовского охранного отделения А. П. Мартыновым. На первое место в мотивировке принятия решения по Самаре он ставит персональный фактор. «Самара никогда не имела доминирующего значения в Поволжье, и первое районное охранное отделение было там организовано в конце 1907 года только потому, что тогда начальником Самарского губернского жандармского управления был полковник Бобров, считавшийся хорошим розыскным офицером и получивший до того розыскной стаж на службе в Саратове» [17, с. 252], – вполне логично и со знанием дела утверждал Мартынов. К тому же он, находясь

на тот момент по службе в непосредственном подчинении М. П. Боброва, вспоминал, что «подлинного руководства из Самары не ощущалось» [17, с. 252], а это, безусловно, сказывалось на результатах общей розыскной работы политической полиции в Поволжском округе.

Между тем в мае 1909 г. центр Поволжского районного охранного отделения был перенесен из Самары в Саратов [21, л. 76]. На принятие этого, на наш взгляд, вполне обоснованного и назревшего решения напрямую повлиял ротмистр А. П. Мартынов, который представил в Департамент полиции объяснительную записку, в которой проанализировал причины, приведшие к низкой эффективности розыскных мероприятий в городах Поволжья. В этом же документе он аргументированно отметил, что «подлинным местом районного охранного отделения должен быть Саратов – столица Поволжья» [17, с. 253]. Указание Мартынова на то, что Саратов – столица Поволжья, сделано было им не ради «красного словца» и не голословно. Саратов в начале XX в. действительно являлся неофициально признанным центром этого большого региона по целому ряду показателей. Подтверждением «столичности» Саратова служит также и тот факт, что с 1871 г. он являлся центром (столицей) судебного округа, так как там находилась апелляционная инстанция – Судебная палата, и пять из восьми губерний Поволжского охранного округа входили одновременно с этим и в Саратовский судебный округ. Это обстоятельство имеет важное значение еще и с той точки зрения, что дела по политическим преступлениям, раскрытые жандармскими органами, рассматривались в Судебной палате как в суде первой инстанции по делам о государственных преступлениях.

В итоге Департамент полиции согласился с предложением Мартынова, и Поволжское районное отделение со всеми сотрудниками и служебной документацией было переведено в Саратов. Возглавил его начальник Саратовского ГЖУ полковник В. К. Семигановский. Это организационное изменение затронуло и Саратовское охранное отделение, которое в связи с этим лишилось своей самостоятельности и полностью вошло в районное охранное отделение, а инициатор переноса жандармской «столицы» Поволжья А. П. Мартынов получил назначение на должность помощника начальника районного охранного отделения и стал

руководить политическим розыском не только в Саратовской, но и в Казанской, Самарской, Симбирской, Тамбовской и Астраханской губерниях.

Результаты

Подводя итог, следует сформулировать ряд выводов.

Во-первых, органы политической полиции Российской империи начиная с 80-х гг. XIX в. постоянно реформировались как на общегосударственном, так и на региональном уровне, что, безусловно, отразилось и на организационно-структурных новациях жандармерии на территории Саратовской губернии.

Во-вторых, Саратов в конце XIX – начале XX в. неоднократно становился межрегиональным центром политического сыска не только Поволжья, но отчасти Черноземья и Южного Урала. С 1892 г. в Саратове располагалось Рязано-Уральское (с 1897 г. – Тамбово-Уральское) жандармское полицейское управление железных дорог, а с 1909 г. – центр Поволжского районного охранного отделения. Эту особенность можно объяснить тремя факторами: 1) Саратовщина еще 70-х гг. XIX в. была в Поволжье признанным центром народнического движения, а впоследствии излюбленной «вотчиной» радикальных партий – эсеров и в определенной степени социал-демократов; 2) Саратов на рубеже веков был одним из крупнейших городов империи, получивший неофициальный, но вполне ему соответствовавший статус – «столица Поволжья»; 3) Саратов был центром судебного округа, в который входило 6 губерний (2 – черноземных, 3 – поволжских, 1 – южно-уральская), а также Уральская область.

В-третьих, в связи с ростом политической активности и увеличением масштабов оппозиционного движения в России в начале XX в. весьма своевременными и востребованными оказались меры по реорганизации и реструктуризации системы политического сыска. Однако создание охранных отделений в системе Департамента полиции, при всей актуальности и логичности идеи формирования подобной структуры, страдало отсутствием законодательного регламентирования и стратегии развития этих органов. Именно поэтому на протяжении недолгого существования розыскных отделений они подвергались подчас спонтанной

реорганизации, а иногда и ликвидации. Кроме того, за все это время не была решена проблема взаимодействия с родственными подразделениями жандармерии, что приводило не только к несогласованности их действий в борьбе с революционным движением, но даже к внутриведомственной конкуренции и противостоянию, что наглядно прослеживается в истории деятельности Саратовского охранного отделения и губернского жандармского управления.

Таким образом, на примере Саратовской губернии прослеживается как общая картина, так и тенденции реформирования и реорганизации органов политической полиции Российской империи. Очевидно, что, несмотря на все попытки властей поэтапного и качественного преобразования жандармерии, правительству не удалось в полной мере создать эффективный механизм тайной полиции и политического сыска, который был бы способен обезвредить тлетворное влияние оппозиционной пропаганды и противостоять революционному натиску начала XX столетия.

Список литературы

1. *Пережудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. М. : РОССПЭН, 2013. 519 с.
2. *Гладышева Е. Е.* Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года: На материалах Саратовской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 207 с.
3. *Гончарова Е. А.* Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг.: на материалах Саратовской и Самарской губерний : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 305 с.
4. Положение о Корпусе жандармов, Высочайше утвержденное 9 сентября 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 13. Отд. 2. № 44956. СПб., 1871.
5. Устав уголовного судопроизводства // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885.
6. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 4. Д. 1.
7. ГАСО. Ф. 53. Оп. 4. Д. 2.
8. ГАСО. Ф. 53. Оп. 4. Д. 6.
9. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 1. № 350. СПб., 1885.
10. *Спиридович А. И.* Записки жандарма / с предисл. и под ред. С. Пионтковского. Репринт. воспроизведение изд. 1930 г. М. : Художественная литература : Фонд творческих инициатив, 1991. 263 с.
11. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. Т. 8. М. : Госполитиздат, 1959. 666 с.
12. ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАСО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 5.
14. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М. : РОССПЭН, 2009. 519 с.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 259.
16. *Варфоломеев Ю. В., Шумилова Л. Н.* Революционная пропаганда и агитация в крестьянской среде накануне и в годы первой русской революции (по материалам Саратовской судебной палаты) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (84). С. 161–169. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.3.84.016>
17. *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска : в 2 т. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 34–408.
18. *Лаврёнова А. М.* Служба А. П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 99–116.
19. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 23.
20. ГАСО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 77.
21. ГАСО. Ф. 51. Оп. 2. Д. 20.

References

1. *Peregudova Z. I.* *Politicheskij sysk Rossii (1880–1917)* [Political investigation of Russia (1880–1917)]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, ROSSPEN, 2013. 519 p. (in Russian).
2. *Gladysheva E. E.* *Political investigation in Russia at the beginning of the XX century: 1902 - February 1917: Based on the materials of the Saratov province.* Diss. Cand. Sci. (Histor.). Saratov, 2006. 207 p. (in Russian).
3. *Goncharova E. A.* *Local bodies of the political police of Russia in 1902–1914: Based on the materials of the Saratov and Samara provinces.* Diss. Cand. Sci. (Histor.). Saratov, 2008. 305 p. (in Russian).
4. The most highly approved Regulations on the Corps of Gendarmes dated September 9, 1867. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Second collection, vol. 13, depart. 2, no. 44956. St. Petersburg, 1871 (in Russian).
5. The Statute of Criminal Proceedings. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh* [The Code of Criminal and Correctional Punishments]. St. Petersburg, 1885 (in Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti* [The State Archive of the Saratov region (GASO)]. F. 53. Op. 4. D. 1 (in Russian).
7. GASO. F. 53. Op. 4. D. 2 (in Russian).
8. GASO. F. 53. Op. 4. D. 6 (in Russian).

9. Regulations on measures to protect state order and public peace of August 14, 1881. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Third collection, vol. 1, no. 350. St. Petersburg, 1881 (in Russian).
10. Spiridovich A. I. *Zapiski zhandarma* [Notes of the gendarme]. Reprint edition. 1930. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, Fond tvorcheskikh initsiativ, 1991. 263 p. (in Russian).
11. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 8. Moscow, Gospolitizdat, 1959. 666 p. (in Russian).
12. GASO. F. 52. Op. 1. D. 2 (in Russian).
13. GASO. F. 52. Op. 2. D. 5 (in Russian).
14. Globachev K. I. *Pravda o russkoy revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [The Truth about the Russian Revolution: Memoirs of the Former Head of the Petrograd Security Department]. Moscow, ROSSPEN, 2009. 519 p. (in Russian).
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. 102. Op. 260. D. 259 (in Russian).
16. Varfolomeev Yu. V., Shumilova L. N. Revolutionary propaganda and agitation among the peasants on the eve and during the first Russian Revolution (based on the materials of the Saratov Judicial Chamber). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2023. no. 3 (84), pp. 161–169 (in Russian). <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.3.84.016>
17. Martynov A. P. My service is in a Separate corps of gendarmes. In: “Okhranka”: *Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska* [“Okhranka”: Memoirs of the leaders of political investigation]. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, pp. 34–408 (in Russian).
18. Lavryonova A. M. A. P. Martynov’s service in Saratov Security Department (about the crisis of identity in the gendarme milieu). *The New Historical Bulletin*, 2015, no. 1 (43), pp. 99–116 (in Russian).
19. GARF. F. 102. Op. 262. D. 23 (in Russian).
20. GASO. F. 54. Op. 2. D. 77 (in Russian).
21. GASO. F. 51. Op. 2. D. 20 (in Russian).

Поступила в редакцию 14.01.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 01.02.2024
The article was submitted 14.01.2024; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 01.02.2024